

18+

Дмитрий Федоров

Протокол разлома

Дмитрий Федоров

Протокол разлома

<https://litres.ru/74152549>

ISBN 9785007015493

Аннотация

Их заперли на изолированном полигоне с одной задачей: невозможное оборудование должно заработать к вечеру. Алексей — инженер, доверяющий только логике и паяльнику. Лика — нейробиолог, мыслящая живыми, хаотичными паттернами.

Но эксперимент выходит из-под контроля. Стенд взрывается — и рушатся привычные границы. Теперь им предстоит узнать, каково это — в прямом смысле оказаться в шкуре другого. И что делать, если это не временный сбой, а новая реальность.

Содержание

Глава 1 Алексей	5
Глава 2 Лика	9
Глава 3 Алексей	13
Глава 4. Лика	17
Глава 5 Алексей	22
Глава 6 Интерлюдия	27
Глава 7 Лика	35
Глава 8 Алексей	38
Глава 9 Лика	43
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Протокол разлома

Дмитрий Федоров

© Дмитрий Федоров, 2026

ISBN 978-5-0070-1549-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Название: Протокол разлома

Автор (-ы): Д» Федоров

Глава 1 Алексей

Час пик в нейронной сети «Бионекса» приходился на вторую половину дня и ночь. Серверы, вытянувшие максимум мощности на ночные расчеты, теперь остывали, отдавая кондиционерам горячий воздух, пахший озоном и перегретым кремнием. Алексей, откинувшись на спинку кресла, полужакрытыми глазами смотрел на монитор. На нем зелеными строчками бежали логи последнего теста интерфейсного чипа. Идеальные строчки. Предсказуемые, как траектория электрона в магнитном поле. В этом была своя красота — красота детерминированного мира, где у каждой команды есть один-единственный, правильный результат. В отличие от мира за стенами института, с его бесконечными «возможно», «наверное» и «ну, это сложно». Его размышления прервал гогот из дальнего угла open space, где толпились двое парней из техподдержки. Молодые, самоуверенные, в меру уставшие после обеда. — ...ну я ему говорю: «Братан, у тебя не флешка, а флеш-карма!» — один из них, кудрявый, выдохнул сквозь смех, довольный своей шуткой. — Ага, — подхватил второй, с щетиной и в оверсайз-худи, — а мне вчера юзер пишет: «У меня интернет не работает!». Я ему: «А кабель воткнут?» А он мне: «А что, он сам не подключается?». Просто атавизм, блин! Ребоотишь их, как маршрутизаторы тупые... Алексей сдержанно усмехнулся. «Эни-

кейщики». Считали себя крутыми админами, пересказывая бородатые анекдоты про «юзверя» и ковыряясь в настройках роутеров. Их мир был простым и плоским, как клавиатура. Они не знали, что такое писать драйвер под специфичную архитектуру нейрочипа или отлаживать протокол, где задержка в миллисекунду была вечностью. Их жаргон, их «reboot» и «апгрейднуть» звучали неумело и по-детски. Он поймал себя на мысли, что когда-то и сам был таким же — восторженным юнцом, думавшим, что переустановка Windows — это высший пилотаж. Теперь его пилотаж был невидим глазу и заключался в строчках кода, которые могли, по крайней мере в теории, заставить мысль материализоваться в движении. Код не врал. Код либо работал, либо нет. Люди — врали постоянно, даже самим себе. Особенно когда дело касалось их собственных, биологических «прошивок» — эмоций, предубеждений, амбиций. Вот он, главный барьер на пути к настоящему нейроинтерфейсу — не математика, а эта проклятая человеческая субъективность, которую невозможно скомпилировать. Мысли плавно перетекали к ужину, островку контроля в этом аналоговом хаосе. Не фастфуд — тот он хоть и ел без отвращения, когда нужно было быстро, но для вечера среды хотелось чего-то основательного. Настоящего. В морозилке как раз ждал своего часа заветный контейнер с бульоном, настоящим на хорошей говяжьей косточке — густым, железистым, настоящим. Осталось лишь заправить да бросить зелени. Или, может, котле-

ток с пюрешкой, чтобы маслянисто-воздушное облако таяло во рту... Или, черт возьми, макарешек с сосисками — ту самую простую, почти детскую радость, где всё ясно с первого взгляда, без подводных течений. Его мир был миром проводов, тактовых частот и чистого кода. Здесь не было места биологическому хаосу, этим странным всплескам, шумам и «возможно», которые преследовали его коллег с биофака. Он уважал их работу, как уважаешь сложный, но несовершенный инструмент. Лучше всего эта разница была видна в Лике... но о ней он старался не вспоминать без необходимости. После университета и совместной практики их профессиональные пути разошлись, как два параллельных потока данных — в одном отделе, но в разных, не пересекающихся мирах. Мысли о пюрешке прервал резкий звук мессенджера. «Срочно. Лаборатория 4В. — С.И.» Алексей нахмурился. Лаборатория 4В? Это не кабинет Сергея Ивановича. Это главный модельный цех, где сводили воедино все данные. Тот самый «священный грааль» проекта, куда его «железо» поставляло сырую информацию, а отдел Лики превращал ее в нейронные карты. Вызов туда с пометкой «срочно» от самого директора не сулил ничего хорошего. В голове тут же всплыла институтская шутка: «Вызывают в 314-й — готовься к «пи».» Кабинет 314 давно стал легендой — местечко для серьезных разносов, где от читаемых лекций о «числе Пи» становилось не по себе. Лаборатория 4В была его современным аналогом. «Значит, не отчитаться, а получить по

шапке», — с горькой усмешкой подумал он, отпивая остывший кофе. — «Ну что ж, посмотрим, в чем тут «конец».»

Глава 2 Ли́ка

Тишину в лаборатории нарушало лишь ровное гудение серверных стоек. На мониторе перед Ликой плыла сложная трехмерная модель — нейронная карта, результат недели расчетов. Идеальная геометрия синапсов и аксонов, выверенная до нанометра. В отличие от сырых данных, которые уже неделю поступали в ее систему и ложились на эту красоту червивыми дорожками артефактов.

Шум.

Это слово преследовало ее. Не просто помеха, а структурный шум, вкрапленный в полезный сигнал, словно вирус в цепочку ДНК. Ее алгоритмы, отточенные до блеска, спотыкались о нем, выдавая на выходе не читаемую карту, а цифровой бред. Два дня она билась над фильтрами, пытаясь вычлени́ть истинный сигнал из этого хаоса. Это было все равно что пытаться расслышать шепот в цехе кузнечного завода.

Она не знала источника. Данные приходили из некоего «Сектора А» обезличенным потоком. Кто-то там, на другом конце института, поставлял ей некондиционный продукт, и все ее попытки формализовать претензии упирались в стену: «параметры в пределах заявленных допусков». Допуски! Они не видели, как их «допуски» убивают тончайшую архитектуру связей, над которой она работала месяцами. Это было медленное, методичное варварство на уровне данных.

Ее мысли прервал резкий звук мессенджера.

«Срочно. Лаборатория 4В. — С.И.»

Ли́ка не шелохнулась несколько секунд, глядя на сообщение. Лаборатория 4В. Главный модельный цех. Значит, Сергей Иванович уже в курсе. Не от анонимного «Сектора А», не от нее. От системных аналитиков, которые видят, что конвейер сборки встал. В ее груди что-то екнуло — не страх, нет. Скорее, холодное удовлетворение. Проблему вынесли на свет. Теперь ее нельзя будет игнорировать. Теперь кому-то придется ответить.

Она отложила планшет, движения ее были точными и выверенными. Поправила белый халат, разгладила несуществующую складку.

— Я к Сергею Ивановичу, — ровным голосом, ни к кому конкретно не обращаясь, сообщила она, поднимаясь с места.

— Хорошо, Ли́ка Александровна, — отозвалась с другого конца лаборатории лаборантка Маша, не отрывая глаз от пробирок.

Практикантка Катя, сидевшая над микроскопом, лишь испуганно кивнула, всем видом показывая, что остаться одной с оборудованием для нее — высшая степень ответственности.

Самый дальний угол лаборатории занимал биохимик Артем. Он возился у своего биореактора, из которого доносилось негромкое бульканье. Ли́ка иногда думала, что он и впрямь пытается создать философский камень, а не работать

по утвержденной программе. Сейчас он что-то бурчал себе под нос, вглядываясь в дисплей: «...нестабильность пептидной цепи, каталитическая активность падает, нужен кофактор... энтропия, черт бы ее побрал...»

Ли́ка на секунду задержала на нем взгляд. Лабораторный журнал у него всегда был в идеальном порядке, все формулы и протоколы строго соблюдались. Но сам процесс всегда напоминал не науку, а некое алхимическое таинство с заклинаниями. Она покачала головой и вышла.

Выйдя в коридор, она направилась к лифтам. Нажимая кнопку, она мысленно повторяла свои аргументы, готовясь изложить их ясно, холодно и неоспоримо. Но лифт не ехал. На табло горел застывший этаж — «7». Кто-то, видимо, грузил оборудование. Сжав губы, Ли́ка резко развернулась и направилась к лестнице.

На площадке между этажами ее ударил в нос едкий запах табачного дыма. Курение в здании было под строжайшим запретом, но кого это волновало? Какой-то смельчак или просто беспечный глупец устроил себе перекур, поставив под угрозу штрафа всех вокруг. Ли́ка, поморщившись, прикрыла ладонью рот и нос, стараясь не дышать.

Спускаясь, она почти столкнулась с сантехником, который, переваливаясь, тащил по ступенькам массивный ящик с инструментами. Ли́ка его узнала — неделю назад она оставляла заявку на капающий кран в женском туалете на ее этаже. Вид его неторопливой, довольной суеты вызвал у

нее прилив чисто физиологического раздражения. Казалось, весь мир вступил в сговор, чтобы мешать ей работать.

— Ящик привезли, теперь починим, — бодро бросил он ей, проходя мимо.

«Уже бы», — мысленно ответила она, не удостоив его взглядом.

Наконец она подошла к массивной двери с надписью «4В». Взявшись за ручку, она на мгновение замерла, сделав последний глубокий вдох. Чувство было знакомым — как перед выходом на защиту диплома: сосредоточенная, четкая готовность отстоять свою правоту.

Она толкнула дверь и вошла.

Глава 3 Алексей

— Алексей, присаживайся, — он отодвинул папку с бумагами, освобождая место. — Помоги разобраться. Никак не пойму, в чем тут загвоздка.

На экранеплыли две кривые. Зеленая — ровная, как стрела. Красная — моя — вся в зазубринах и артефактах.

— Сергей Иванович, всё упирается в оцифровку, — начал я, чувствуя, как предательски вспотели ладони. Знакомая тяжесть навалилась на плечи. — Аналоговый сигнал записать не на что, технологии утрачены, а при оцифровке начинается кошмар. Пытаюсь подобрать частоту дискретизации — высокая даёт шумы, низкая режет кривую, теряем важные выбросы. Уже третью неделю бьюсь с аналоговыми фильтрами и АЦП, перебираю схемы, но... Идеального варианта просто нет. Каждое решение — это компромисс, а нам нужна точность.

Я разошёлся, показывая расчёты, объясняя, где теряется точность. А потом, увлёкшись, сорвалось:

— Вот если бы можно было корректировать оцифрованные данные на лету, подстраиваясь под искажения, мы бы получили куда более чистый сигнал...

Сергей Иванович задумчиво кивнул, и я тут же осёкся. Чёрт, зря это сказал...

В этот момент дверь приоткрылась, и на пороге показа-

лась Лика. Увидев меня, она замедлила шаг, но вошла, сохраняя невозмутимость.

Лика Ковалёва... Мы когда-то учились в одном вузе, даже практику вместе здесь, в «Бионексе», проходили. Но её компания — вечные библиотеки и пробирки с нашего биофака — и мои радиодетали с паяльником как-то никогда не пересекались. Симпатичная, конечно, но не в моём вкусе — слишком правильная, слишком собранная. Всегда казалось, что у неё даже волосы лежат по линейке.

— Лика Александровна, как раз кстати, — Сергей Иванович жестом пригласил её подойти. — Взгляните. Алексей как раз объясняет сложности с оцифровкой сигнала. Ситуация, на мой взгляд, классическая — аппаратчики и программисты смотрят на одну проблему с разных сторон. Вы оба упускаете необходимость работы с «живым» потоком... — Он перевел взгляд с меня на Лику. — И мне кажется, наилучшим решением будет совместная работа на полигоне «Зенит». Там установлен новый аналоговый стенд. Полагаю, два дня на наладку должно хватить, чтобы найти общий язык и с оборудованием, и друг с другом.

Меня будто обухом по голове. Два дня в глуши с Ликой?

— Сергей Иванович, — я поспешил вставить, — если дать нам ещё день здесь, в четверг, мы подготовим всё для удалённого сеанса...

— Да, — тут же поддержала Лика, — я как раз дорабатываю алгоритм адаптации к шумам оцифровки. Мы сможем

провести один интенсивный тест в пятницу. Максимум день работы!

Мы стояли, словно два школьника, выпрашивающие отсрочку. Сергей Иванович смотрел на нас поверх очков, и в уголках его глаз заплясали морщинки.

— Уверены, что справитесь за один день? — переспросил он.

— Абсолютно! — выпалил я.

— Безусловно, — эхом отозвалась Лика.

— Что ж, — он развёл руками с видом человека, идущего на уступки. — Уговариваете. Ладно, работайте в четверг, вылет в ночь на пятницу.

И с этими словами он достал из верхнего ящика стола два уже заполненных бланка командировочных удостоверений и протянул их нам. В графе «дата выезда» чёрным по белому стояла ПЯТНИЦА.

Всё было решено ещё до нашего разговора. Он не просто предусмотрел наш «торг» — он встроил его в свой план, заранее оформив документы на нужную ему дату. Наша победа оказалась его замысловатым ходом.

— Микроавтобус на полигон отходит от проходной в пятницу, в 7:30, — добавил Сергей Иванович, как бы между прочим. — Едет около двух часов. Обратный — с полигона в 18:30. Успеете на вечерний — будете дома к ужину. Не успеете... — Он многозначительно посмотрел на часы. — Но вы же справитесь за день, верно?

Полигон был всего в ста километрах, но добраться туда самостоятельно было нереально — только на этих двух микроавтобусах, курсирующих строго по расписанию. Мы оказались в ловушке не только его решений, но и этого жёсткого графика.

Мы молча вышли в коридор. Лика прошла мимо, не глядя на меня. Пустыня, изоляция, один день на решение нерешаемой проблемы и эти роковые временные рамки. А над головой всё так же подмаргивал светильник, словно насмехаясь над нашей самонадеянностью.

Глава 4. Ли́ка

Дверь лаборатории 4В закрылась за спиной с тихим щелчком, отсекая размеренный голос Сергея Ивановича и оставляя нас с Алексеем в гулкой тишине коридора. Я лихорадочно соображала, пытаюсь нащупать почву под ногами. Надо же как-то структурировать этот внезапный хаос. Собраться. Взять под контроль.

— Так... — голос прозвучал чуть выше обычного. Я откашлялась. — Значит, послезавтра... нет, завтра уже... завтра нам нужно... ой, я пить хочу. И кофе.

— В буфете, на втором этаже, ещё должны быть открыты, — откликнулся Алексей деловито.

— Кстати, у Наташки из бухгалтерии кошка недавно око-тилась, такие смешные комочки, ты видел?

Он на мгновение замер, перезагружаясь.

— Эээ... Нет, не видел.

— В общем, — я тряхнула головой, пытаюсь поймать ускользающую нить, — может, попробуем прогнать сигнал через ХэСе-корректор?

— Ну, это... — он оживился. — В принципе, можно попробовать, но его интерфейс...

— А там, кстати, с питанием как? Столовая работает? Или свои пайки?

Алексей снова замер, его лицо выразило полную пристра-

цию.

— Пайки? Я не... не в курсе...

— Мне ещё в магазин зайти, на ужин что-то купить... И протокол передачи... нет, сначала надо понять, какой интерфейс на том стенде...

Он просто смотрел на меня, его рот был слегка приоткрыт.

— Ли́ка, я... — он попытался что-то сказать, но сдался, издав лишь бессвязное: — Эээ... Ну...

— Ой, я же хотела кофе! Или чаю? Ты чай пьешь?

В этот момент я посмотрела на него. По-настоящему посмотрела. Он стоял, застыв в неловкой позе, с пустым взглядом, в котором читалась полная потерянности. Он просто не успевал. Его мозг, привыкший к линейной логике и чётким алгоритмам, сдался перед этим каскадом бессвязных обрывков. Он молчал. И это молчание, эта стена непонимания, на которую я сама же и наткнулась, обожгла сильнее, чем любое раздражение.

Меня просто понесло. И он это видит.

Щёки запылали. Слова оборвались на полуслове.

— Ладно... — я махнула рукой, отсекая и его, и свой словесный потоп. Взгляд упёрся в носок его ботинка. — Зайди завтра к нам. Часиков в одиннадцать.

И, резко развернувшись, я почти побежала по коридору, оставив его одного с его молчанием и своим жгучим стыдом.

Сердце колотилось где-то в горле, отдаваясь глухими ударами в ушах. Я шла, почти бежала по бесконечному коридору.

ру, не видя ничего перед собой.

Что я несу? Кошка Наташки... Боже, он сейчас решил, что я совсем чокнутая. Пайки... Зачем я спросила про пайки? Нужно было говорить о протоколе, только о протоколе. ХэСе-корректор... а он совместим со старой прошивкой стенда? Нужно проверить таблицы согласования. Или сначала написать Наташе насчёт кошки? Нет, не надо писать Наташе! Чай... я же хотела чаю. Или кофе? На ужин... что же купить? Макароны? Или сварить тот борщ? Но на борщ времени нет, завтра же целый день... Завтра. Алексей придёт в одиннадцать. Как я ему в глаза смотреть буду? И этот его потерянный взгляд... Надо взять с собой тёплый свитер, на полигоне ночью холодно. А если ХэСе не сработает? Сергей Иванович всё подстроил, мы как марионетки... Котёнок действительно смешной... полосатый... Стоп. Таблицы. Надо проверить таблицы.

Этот безумный карусельный поток прервался сам собой, когда я упёрлась взглядом в знакомую табличку на двери: «Лаборатория 4Г. Нейромоделирование». Я дошла.

Я вошла внутрь. Прошла мимо Маши, что-то говорившей мне вслед, мимо Артёма, бубнившего у своего реактора что-то про «энтропию и каталитические ловушки». Руки сами потянулись к кружке, заварили чай. Пахнущее бергамотом тепло немного привело в чувство.

Я села за свой стол, и пальцы сами собой запустили систему. На мониторе загрузились те самые таблицы согласования

протоколов передачи данных. Ряды ровных ячеек, столбцы с параметрами, сухие, однозначные технические термины.

Я сделала глубокий вдох и потянулась за кружкой.

Сначала — работа. Потом ужин... нет, ужин уже дома, а сейчас... Или кошка...

Я перевела взгляд на экран. Таблицы. Чёткие столбцы, предсказуемые ячейки. Никаких котят, пайков и потерянных взглядов. Только параметры, частоты, допуски.

Я ткнула пальцем в первую строку.

«Сопряжение интерфейса АЦП-347 с преобразователем „ХэСе“. Протокол v.4.2.»

Вот. Это понятно. Это решается. Можно погрузиться в это с головой и не вспоминать ни о чём другом до самого вечера.

Я выключила монитор, и в тишине лаборатории осталось лишь бульканье реактора Артёма — такое же неспешное и недовольное, как и бормотание его хозяина.

Все питомцы похожи на своих хозяев. Или хозяева на питомцев? Интересно, у Артёма есть собака? Или кошка... Кошка... кошка... кошка... кошка у Наташки...

Я резко встряхнула головой, отгоняя навязчивую мысленную жвачку. Пора домой.

Выйдя на улицу, я остановилась, вдыхая прохладный вечерний воздух. В груди уже не было той тревожной дрожи, лишь приятная усталость. Мысли, наконец, текли плавно и приземлённо.

Ладно. Завтра разберёмся с Алексеем, протоколами и

этой всей поездкой. А сейчас... магазин.

Я посмотрела в сторону центра города, где был большой супермаркет с широкими рядами. Там выбор лучше, можно взять что-то свежее... рыбу или хороший сыр. Затем взгляд скользнул в сторону своего района. Но там ближе. И сумку тащить недалеко. И макароны с тушёнкой всегда есть.

Постояв ещё мгновение в нерешительности, я вздохнула и повернула в сторону дома. К макаронам. Сегодня сил на долгую дорогу и выбор не осталось.

Всё равно. Я подумаю об этом завтра. Тогда всё и решу, — промелькнула в голове знакомая, упрямая мысль. И сегодняшний вечер, и выбор ужина, и завтрашний разговор с Алексеем — всё это было отложено. До завтра.

Глава 5 Алексей

Последний час рабочего дня растянулся в липкую, томную бесконечность. Я откинулся в кресле, не сводя глаз с монитора, где ползли строчки лога заливки прошивки. Мой новый контроллер с перепаянной аналоговой частью — последняя на сегодня попытка подобраться к неуловимому идеалу, к той чистоте сигнала, которая никак не давалась. В голове, словно заевшая пластинка, крутилась одна и та же мысль: Частота дискретизации... Высокая — шум, низкая — потери... Фильтры... Если собрать штук пятнадцать в параллель, этакий эквалайзер... Я мысленно представил схему и тут же поморщился: Нет. Собственные шумы каждого сложатся в такое месиво, что полезный сигнал просто потонет. Тупик.

Индикатор на плате наконец мигнул зелёным. Заливка завершена. Пальцы привычно потянулись к кабелю — сейчас бы запустить тесты, посмотреть на результат... Рука замерла в воздухе. Нет. Хватит. Сегодня — точно хватит. Я отодвинулся от стола, выключил монитор, собрал вещи. Всё. Завтра. Завтра разберусь.

Коридор был пуст и безмолвен. Шаги гулко отдавались в такт последним мыслям об аналоговых фильтрах.

Эквалайзер... не вариант, свои шумы всё похоронят.

Усталость накатывала тягучей волной, вымывая из головы

даже эти обрывочные соображения. Сознание отказывалось генерировать новые идеи, требуя перезагрузки.

Я вышел на улицу и замер, шурясь от непривычно яркого вечернего солнца. И тут взгляд упал на знакомую фигуру у выхода. Лица. Она стояла, словно буриданов осёл, поворачивая голову то в сторону центра города, то к остановке автобуса. На её лице застыла гримаса концентрации, будто она решала сложнейшую математическую задачу, а не выбирала маршрут до дома.

И как при таком... хаотичном мышлении вообще возможно заниматься системным анализом? — мелькнуло у меня. Мой собственный мыслительный процесс всегда был последовательным, как исполнение кода: шаг за шагом, от задачи к решению. Её же утренний монолог напоминал древний скрипт безумного админа, в который сотня индусов по очереди вставляли костыли на протяжении десятков лет, а потом выпустили на рынок в красивой обёртке. Попытка найти в этом логику была обречена — можно было только гадать, какой баг вылезет следующим.

Ладно, — перевёл я внутренний взгляд на завтра. — Одиннадцать часов. Её лаборатория. Надо будет...

Так, всё. Домой. Домой. Домой. Ужин сам себя не приготовит.

И не съест, в конце концов. Я простой человек, и мне не чуждо ничего человеческого.

Задумавшись, я пропел под нос:

Us and them... And after all we're only ordinary men...

О! Надо фloyd послушать, — мелькнула следующая мысль, уже о вечернем релаксе.

План на вечер стремительно обрастал деталями. Я поспешил навстречу подъезжающему автобусу. Лица так и не заметила меня, поглощённая выбором между двумя охапками сена. Ну и пусть выбирает. А меня пусть везёт автобус.

Автобус, равномерно покачиваясь, вёз меня домой. За окном проплывали знакомые улицы, но я почти не обращал внимания. Мысли уже были там, в квартире, где меня ждали тишина и покой.

Дверь закрылась за мной с тихим щелчком. Первым делом — в душ. Смыть с себя весь этот день, пыль лаборатории, остатки рабочего напряжения. Десять минут спустя, уже в старых мягких спортивных штанах и футболке, я наконец почувствовал, как окончательно переключился в домашний режим. Я был больше не сотрудником «Бионекса», а просто Алексеем.

Запустил foobar, нашёл в библиотеке The Dark Side of the Moon. Под гитарное вступление «Breathe» отправился на кухню. Достал из морозилки контейнер с бульоном, принялся за овощи. Начал шинковать лук, морковь, свеклу. Под ровный ритм фальшивомонетчиков из «On the Run» работа спорилась. Пока тушилась за жарка, нашинковал капусту и отправил её в закипевший бульон. Потом достал котлеты — свои, из собственного фарша. Две — на сковороду. Аромат

поджаристого лука и мяса медленно наполнял кухню. Идиллия. Почти.

В голову полезла навязчивая идея, словно назойливый баг в коде. А что там Лика говорила про ХэСе-корректор? Помешивая зажарку, я пытался вспомнить её обрывочную фразу. В последнее время в лабораториях появилось много приборов с такими вот китаизированными названиями. В отличие от старых добрых «Agilent» или «Keithley», где по имени сразу ясна суть, в этих хрен поймёшь, что они должны делать. ХэСе... ХЗ, что это значит. Может, «Хрен Знает»?

Размышления прервал запах готовой зажарки. Я сбавил огонь и вывалил содержимое сковороды в кастрюлю. Нет. За едой — о еде. Это железное правило, привитое с детства, никогда не подводило. Я мысленно поблагодарил родителей за эту нехитрую, но такую важную науку.

Проверил молоко. В коробке оставалось немного, но на завтрашний омлет хватит. Значит, с пюре облом. Никакой трагедии. Достал пачку макарон. Сойдёт. Котлетосы с макарошками — тоже классика.

Когда ужин был готов, налил борщ в тарелку. Посмотрел на густое, ароматное кушанье, на клубящийся над ним пар. Это, пожалуй, серьёзный повод. Достал из холодильника водку и наполнил лафитник. Потянулся за ложкой, но сначала — стопка. Резкий холод сменился разлившимся теплом. Теперь... Зачерпнул первую ложку борща, прихватив с неё каплю ещё не растёкшейся по тарелке сметаны. Идеально.

Я ел медленно, смакуя, и мысли о ХэСе-корректоре, Лике и завтрашней встрече уплывали куда-то далеко-далеко, теряясь в аккордах «Time».

После ужина собрал остатки макарон и одну котлету в контейнер — завтра возьму с собой. Помыл посуду, навёл на кухне порядок. Чистота и последовательность действий успокаивали.

С бокалом прохладного яблочного сока переместился на диван. Взял в руки планшет. Открыл фбридер с бодрой бояркой, где отпрыски знатных кланов задорно попирали законы и здравый смысл. А зачем им здравый и тем более смысл? Правильно, не к чему. Главное — чтобы было весело, бесшабашно, с высокой целью и прекрасными дамами, как у мушкетёров...

Глаза начали слипаться примерно через час. Отложил планшет, потянулся. Завтра... завтра одиннадцать часов. Лаборатория Лики. Посмотрим, что она там придумала с этим своим ХэСе. И с этим своим сумбуром.

Выключил свет. Тишина и темнота поглотили комнату. Последней осознанной мыслью перед тем, как провалиться в сон, было то, что бульон сегодня удался на славу.

Глава 6 Интерлюдия

Сергей Иванович Волконский поправил очки, глядя на экран. Собирались коллеги из «Нейросинапса» и «Кортэкса». С ними можно было говорить без протоколов.

— Ну, Сергей, что там у тебя? — Гордеев возник первым, его борода колыхнулась в такт голосу.

— Задача, Миша. Та самая — с записью нейронных паттернов. Как будто пытаешься записать шёпот в цеху. Все методы шумоподавления только губят полезный сигнал.

Подключилась Шереметьева:

— Видели ваши последние данные. Похоже, упираетесь в аппаратные ограничения.

— Именно, — кивнул Волконский. — Все идут по проторённой дороге — фильтруют готовый сигнал. А если попробовать с другого конца? Не бороться с помехой, а не создавать её. Пересмотреть сам принцип оцифровки.

Гордеев усмехнулся:

— Смело. Кто у вас этим занимается? Не те самые кибернетики?

— Нет, пара моих сотрудников. Волков и Ковалёва. Он — железо, она — теория. Иногда кажется, будто на разных языках говорят. Но их общий подход... пахнет чем-то новым. Волконский посмотрел в окно.

— Мне кажется, главная помеха — не в схемах. А здесь, в

этих стенах. В ежедневной текучке. Им нужна тишина. Чтобы услышать и друг друга, и тот самый сигнал.

— «Зенит»? — уточнила Шереметьева.

— «Зенит», — подтвердил Волконский. — Изоляция. Чистый эксперимент. Интересно, что получится, когда отступать будет некуда.

Гордеев хмыкнул: — Рискнёшь? Два ярких характера в замкнутом пространстве... Либо гениальный симбиоз, либо громкий хлопок.

— На то он и эксперимент, — пожал плечами Волконский. — Без давления не бывает и прорыва.

Договорились созвониться через неделю. Связь прервалась. Волконский отодвинулся от стола. Ставка была сделана. Оставалось наблюдать.

* * *

В лаборатории Алексея пахло канифолью и тёплым металлом. Семён Немцов и Виктор Котов замерли у своих столов, наблюдая, как Волков метался между своими столами, расставленными буквой «П». Обычно в это время он уже пил третий кофе, слушая вполуха их утренние шутки.

Над монтажным верстаком ровно жужжали и перемигивались приборы и источники питания. Рядом темнел стеллаж с ячейками, плотно укомплектованными радиодеталями. На центральном мониторе в Altium Designer была развёрнута трёхмерная модель платы. На боковых — бежали строчки кода. Где—то тихо щёлкало реле, отсчитывая секунды.

Алексей нервно поглядывал на часы, пропаявая очередную плату. Чем ближе стрелка подбиралась к одиннадцати, тем суетливее становились его движения. Один готовый контроллер он отложил в коробку, остальные три планировал доделать после совещания.

— BGA без печки, руками... Извращенец, — мысленно присвистнул Семён.

Виктор Котов молча курил у окна. — Мозги... Ну что с них взять-то. Умный очень, а живёт одними схемами. Не пойму, зачем так надрываться, — констатировал он про себя. — Хотя... без таких, как он, мы бы до сих пор на логарифмических линейках считали.

В спешке Алексей задел локтем рулон маскировочной ленты. Тот с грохотом покатился по столу, увлекая за собой несколько коробочек с мелкими выводами.

— Чёрт! — отчётливо выругался он вслух, торопливо сгребая рассыпавшиеся детали.

Он проверил содержимое своего «тревожного чемоданчика» и захлопнул его. — Блин, опаздываю... — уже совсем невнятно пробурчал он под нос.

Подойдя к ЧПУ-станку, Алексей загрузил файлы с разводками и запустил фрезеровку новых плат. Пусть крутится, пока он на совещании. Стружка посыпалась в поддон, заполняя лабораторию ровным стрекочущим звуком.

Ещё раз глянув на часы, он быстрым шагом направился к выходу, бросив на ходу:

— Я к нейрофизиологам... Лаборатория затихла, проводя его взглядами.

* * *

Десять тридцать утра. В лаборатории нейрофизиологического моделирования пахло стерильной чистотой и сладковатым запахом питательной среды для культур. Лика Ковалёва стояла перед открытым шкафом с оборудованием, сверяя список на планшете с содержимым полок. Движения её были чёткими и быстрыми, но в них проскальзывала нервозность. — Маша, вы подготовили калиброванные кабели для «ХэСе»? — не поворачиваясь, бросила она лаборантке. — Он будет стоять первым в цепи, после источника сигнала. — Да, Лика Александровна, всё упаковано и промаркировано, — тут же отозвалась та. Лика кивнула, её взгляд скользнул по стеллажам. Блок управления, осциллограф, набор калибровочных матриц... Кабели... Всё ли я учла? Мысли скакали, возвращаясь к одному: одиннадцать часов. Он наверняка опоздает. Она мысленно готовила аргументы для предстоящего разговора, репетируя фразы. Нет, начинать с претензий нельзя. Надо с протокола. Сначала протокол передачи данных, потом уже всё остальное. В дальнем углу лаборатории, у своего биореактора, сидел Артём. Он делал вид, что полностью погружён в показания датчиков, но на самом деле видел и слышал всё. Он заметил, как Лика за последние полчаса трижды проверяла один и тот же ящик с оборудованием, и как её взгляд всё чаще задерживался на больших настенных

часах. — Суетится, — констатировал он про себя. — Как перед защитой диссертации. Интересно, из-за предстоящей поездки или из-за самого Волкова? Он видел, как напряглись её плечи, когда пробило одиннадцать, и как её пальцы сжали планшет, когда стрелка поползла дальше. — Опаздывает. Ну, конечно. Артём сделал вид, что корректирует параметры насоса, чтобы не встречаться с ней взглядом. Её раздражение стало почти осязаемым. — Маша, вы уверены, что прошили последнюю версию драйвера для АЦП? — снова раздался голос Лики, на этот раз чуть более резкий. — Да, вчера вечером. Я могу... — Ладно, хорошо, — Лика перебила её, снова посмотрев на часы. 11:05. Она отошла к своему компьютеру, сделала вид, что изучает данные, но было видно, что она не видит экран. Вся её фигура выражала ожидание и нарастающее нетерпение. Она мысленно уже произносила первую, самую корректную и самую колючую фразу, которую бросит ему, когда он, наконец, появится. Дверь в лабораторию со скрипом отворилась ровно в 11:08. На пороге стоял Алексей, слегка запыхавшийся. — Всем здравствуйте, — бросил он, обращаясь ко всей лаборатории, и направился к столу Лики. Лика подняла глаза от монитора. Её лицо было невозмутимым. — Алексей. Одиннадцать — это одиннадцать, а не десять минут двенадцатого. — Во-первых, сейчас 11:08, — парировал он, останавливаясь перед её столом. — А во-вторых, «часиков в одиннадцать» не подразумевает 11:00 ровно. Это общепринятая форма договорённости. — Давайте в

будущем без таких опозданий, — её голос был ровным, но в нём явственно читалось неодобрение. — Покомандуй мне тут... — тихо, но отчётливо пробормотал Алексей, доставая из кармана сложенный лист. — Что? — бровь Лики поползла вверх. — Ничего, — развернув лист, он положил его перед ней. — По приборам и оборудованию. Вот список того, что беру я. Посмотрите, можете сократить свой набор, чтобы не дублироваться. — Сначала давайте определимся с главным, — не отвлекаясь от списка, сказала Лика. — Мой «ХэСе». Вы хотите поставить его первым в цепи? — Нет, — Алексей покачал головой. — После моего АЦП, но до вашего анализатора. Иначе получим задержку в два такта и потерю пиковых значений. Спор продолжался несколько минут. Фразы становились короче, технические термины сыпались градом, но напряжение постепенно спадало. — Ладно, — наконец согласилась Лика. — Это имеет смысл. Я подготовлю тестовые последовательности. Только тогда она снова посмотрела на его список оборудования. И снова поразились его продуманности. Многие позиции она упустила в своих приготовлениях. — Хорошо, — произнесла она уже другим тоном. — Я изучу ваш список. Думаю, мы действительно сможем оптимизировать набор. — Отлично. Тогда я пойду, — кивнул Алексей. — Мне ещё три платы допаивать. К обеду всё закину в гараж. И так же стремительно вышел, как и появился. Когда дверь закрылась, Маша мечтательно вздохнула: — А он симпатичный... А ночевать вы в гостинице будете? Лика

фыркнула, но без злобы: — Маша, ну что за вопросы. Ночевка не предусмотрена. Туда-обратно за день. Из угла лаборатории раздался спокойный голос Артёма: — А парень-то не так прост. Похоже, на крайний случай он и без тебя всё разрулит. Так что смотри не опоздай завтра. — Ну что вы такое говорите... — снова фыркнула Лика, но на этот раз скорее с досадой, чем с возмущением. Она ещё раз взглянула на список Алексея, затем решительно отложила его и принялась набирать что-то на компьютере. В воздухе повисло новое, странное напряжение — смесь досады, уважения и лёгкого беспокойства.

* * *

Четырнадцать ноль-ноль. Гаражный комплекс «Бионекса». В воздухе пахло бензином и бетонной пылью. Возле ворот стоял белый микроавтобус с вместительным багажным отделением, а рядом — Сансаныч в промасленной спецовке. Он курил, наблюдая за Ликой. Та уже в пятый раз возвращалась из здания: то с коробкой калибровочных кабелей, то с блоком дополнительных фильтров. Каждый раз она сверялась с планшетом, заглядывала в уже уложенные ящики, что-то перепроверяя. Её движения были точными, но в них читалась лёгкая одержимость — боязнь что-то упустить. К трём часам появился Алексей. На грузовой тележке он вкатил два массивных транспортировочных кейса с жёсткими стенками. Молча, без лишних движений, он укрепил их в глубине багажника, надёжно зафиксировав ремнями. — Это

всё? — сипло спросил Сансаныч, бросая окурок. — Пока всё, — ответил Алексей. — Если что по мелочи — занесу в конце дня. Сансаныч кивнул, глядя на их снаряжение. С одной стороны — аккуратные штабеля ящиков Лики, с другой — два суровых кейса Алексея. Между ними — пустота. — Эх, молодёжь... — подумал водитель, проводя рукой по капоту. — Весело в дороге будет, шапито на колёсах. Как бы не передрались... или наоборот... И общий язык им искать только в дороге.

Глава 7 Ли́ка

Пятничное утро встретило меня колючим ветром и пустынной площадью перед зданием «Бионекса». Я почти проспала, не успела позавтракать, и теперь меня пробирала противная дрожь — не столько от холода, сколько от сонной разбитости. Мир казался серым и недружелюбным. Зачем я вообще притащилась сюда за полчаса? Микроавтобус стоял пустой и безжизненный, водителя и след простыл. Наверное, пошёл к другим водителям греть руки о горячий кофе, а я тут мёрзну, как дура.

Сумка с вещами неудобно болталась на плече, вечно соскальзывая именно тогда, когда я пыталась её поправить. В голове стучало: «Вот дура, вот дура...» Я перебирала вчерашний список Алексея, и с каждой позицией настроение падало всё ниже. Почему он такой... собранный?

Когда он появился, я чуть не вздрогнула от неожиданности. Шёл спокойно, с удобным рюкзачком за спиной, а в руках — два стаканчика с паром. Выглядел... бодро. Раздражающе бодро.

Молча протянул один стаканчик мне.

— Спасибо, — пробормотала я, чувствуя, как тепло разливается по заоченевшим пальцам.

Неловко. Очень неловко.

В микроавтобусе я устроилась у окна, пытаюсь отогреться

чаем. Алексей сел напротив, уткнувшись в планшет. Молчание становилось густым и невыносимым.

— План работ просматриваешь? — наконец выдавила я.

— М-м, — пробурчал он, не отрываясь от экрана.

— Погода, кажется, налаживается, — снова попыталась я после паузы, глядя на унылые серые тучи.

— Ага.

Меня начало задевать. Серьёзно?

— Ты всегда такой неразговорчивый с утра? — не удержалась я, и в голосе прозвучала обида.

Он на секунду оторвался от планшета, посмотрел на меня усталыми глазами.

— Я ещё не проснулся.

И снова уткнулся в экран. Честно? Выглядел он вполне проснувшимся. Гораздо более проснувшимся, чем я, промучившаяся полночи и поднятая ни свет ни заря каким-то дурацким внутренним будильником.

Вскоре он с раздражением сунул планшет в рюкзак, воткнул в уши наушники и откинулся на сиденье, сделав вид, что спит. Ну да, конечно. Просто не хочет со мной разговаривать.

Сансаныч молча вёл машину, изредка побряхтывая на ухабах. Его затылок выглядел невозмутимым, будто возить двух молчаливых учёных в пустыню — самое обычное дело. Может, для него так и есть?

За окном поплыли унылые индустриальные пейзажи, по-

том пошли поля, такие же серые и безрадостные, как и моё настроение. Изредка мелькали одинокие деревья с голыми ветками, которые казались криками о помощи в этом безлюдном пространстве. Неужели именно здесь нам предстоит найти ответы на наши сложнейшие вопросы?

Когда микроавтобус начал сбрасывать скорость, я сначала не поняла почему. Потом увидела бетонные блоки, забор с колючей проволокой и шлагбаум. КПП. «Зенит».

Сансаныч что-то сказал дежурному, шлагбаум медленно пополз вверх. Мы въехали на территорию. По сторонам стояли какие-то низкие серые здания, всё выглядело строго и безлико. Пустыня начиналась прямо за забором.

Вот мы и приехали. Место, где нам предстоит найти общий язык.

Глава 8 Алексей

За десять минут до КПП я открыл глаза. Притворяться спящим стало скучно, а слушать, как Лика нервно вздыхает, — невыносимо. В окне проплывали унылые пейзажи «Зенита». Бывал здесь и раньше, как и она, наверное. Но тогда это было любопытством, почти туризмом. Сейчас пахло настоящей работой. И необходимостью терпеть её нервное присутствие рядом.

Сансаныч, не включая поворотников, свернул к невзрачному бетонному боксу с подъёмными воротами — грузовому входу. Правильно. Тащить наше оборудование через парадную — себя не уважать.

— Приехали, — сипло бросил он, заглушая двигатель.

Мы молча принялись выгружать вещи. Мои два кейса, её аккуратные ящики. Всё водрузили на ржавый поддон грузового лифта. Лика стояла, озираясь, будто впервые видела эти голые стены. Может, и вправду не помнила? Для неё та поездка была просто галочкой.

Из тени проёма появился знакомый силуэт.

— Волков! — комендант Станислав Петрович, сухопарый мужчина с уставшим лицом, кивнул мне. — Снова к нам? И с подмогой, я смотрю.

— На день, — коротко ответил я. — Сегодня же и уедем. Он фыркнул — короткий, лающий звук, полный скепсиса.

— Слышал я это, — бросил он через плечо, уже поворачиваясь к двери. — Пошли, оформлю.

Пока мы шли по коридору, он, не глядя на нас, отбарабанил правила: обратный рейс в восемнадцать тридцать, ночевка в камерах—одиночках, столовая до двадцати двух.

— Благодарю, — сухо сказала Лика.

Станислав Петрович хмыкнул, оставил нас у дверей лабораторного модуля и ушел, не прощаясь.

Дверь захлопнулась. Мы остались одни в полной тишине. Я посмотрел на Лику. Бледная, под глазами тени. Вид, честно говоря, нерабочий.

— Лаборатория на втором этаже, — сказал я. — Но сначала в столовую.

Она кивнула с таким облегчением, что стало почти неловко. Когда мы вышли из корпуса, я вспомнил про контейнер с борщом.

— Минуту, — остановил я её и свернул к соседней двери.

В небольшом помещении с электроплиткой я достал из рюкзака банку с борщом и поставил в холодильник. Лика молча наблюдала с порога, но ничего не спросила.

Мы вышли и направились к административному корпусу по шербатым бетонным плитам. Лика шла уверенно, без колебаний выбирая путь между зданиями — да, она определенно здесь бывала. Интересно, помнит ли она тот ознакомительный визит так же смутно, как я? Для меня тогда это было чем—то вроде экскурсии в музей — посмотреть, по-

трогать и забыть.

«Полигон»... Название вертелось в голове, не давая покоя.

— Скажи, — обратился я к Лике, — а тебя не смущает это название? Полигон — это обычно стрельбы, взрывы, танки на ухабах... А здесь... — я обвел рукой мирный пейзаж с низкими серыми зданиями, — больше похоже на заброшенный садовый кооператив.

Она на секунду задумалась, не сбавляя шаг:

— Историческое наследие, наверное. Говорят, лет двадцать назад военные здесь что-то тестировали. Потом объект передали нам. Название прижилось.

Интересно, что они тут тестировали, — мелькнуло у меня. И куда всё это делось?

В столовой пахло так, как должно пахнуть в нормальной столовой — тушеной капустой, гречкой, чем-то молочным и жареным луком. Лика, заглянув в раздаточное окно, странно смягчилась. Она взяла рисовую молочную кашу и пышную яичницу—глазунью. Едва успев сесть, она уже потянулась к планшету, пытаясь одновременно есть и говорить:

— Так... — она прожевала первый кусок яичницы, — после распаковки начинаем с калибровки твоего АЦП... — ложка с кашей замерла в воздухе.

Я выбрал два румяных блинчика с вишневым повидлом и чай. Наблюдая за её метаниями, я мягко, но твердо сказал:

— Лика. За едой — о еде. Успеем. Вернемся в корпус —

там и распланируем всё по минутам.

Она на мгновение застыла с ложкой у рта, потом насупилась, но планшет отодвинула. Упрямая, — с какой—то неожиданной снисходительностью подумал я. Но правила есть правила.

По дороге обратно её снова понесло:

— Слушай, нужно сначала проверить все кабели. Я не уверена насчёт тех... И протокол передачи, может, стоит сразу...

— Ли́ка, — я вздохнул, чувствуя, как моё раздражение тает. — Всё успеем. Сначала — распаковка. Потом — подключение. Всё по порядку. Step by step, слышала такое выражение?

Она резко остановилась и повернулась ко мне. В глазах вспыхнуло знакомое раздражение.

— Не надо меня учить, Алексей. Я знаю, как планировать работу.

— Тогда давай не будем пытаться сделать всё сразу, — парировал я. — Системный подход, помнишь? Ты же его всегда проповедуешь.

Она замерла на секунду, затем губы её дрогнули в подобии улыбки.

— Ладно. Step by step так step by step. Я не удержался и напел вполголоса:

— Step by step... пока от монитора не ослеп...

И добавил, глядя на её напряженное лицо:

— ...и не ч рифму позаимствую: «тебе не повезло, ты не такая как все, ты закончила МГУ»ii

Ли́ка застыла с кабелем в руках, её лицо выразило целую гамму эмоций — от удивления до попытки сдержать смех.

— Это что ещё за... — она покачала головой, но уголки губ предательски подрагивали. — И зачем ты это помнишь?

— Память — мой главный рабочий инструмент, — парировал я, продолжая распаковывать оборудование. — В ней много странного хлама.

Мы продолжили работу, но атмосфера стала заметно легче. Иногда я замечал, что Ли́ка что-то тихо напевает себе под нос, и был почти уверен, что это тот самый мотив.

Глава 9 Лика

Собранный стенд гудел ровным, почти убаюкивающим гудением. На мониторах бежали стабильные, предсказуемые сигналы. И от этой идеальной стабильности у меня зашевелились волосы на затылке.

Когда основное оборудование было установлено, я отступила на шаг, окидывая взглядом нашу «рабочую станцию». В животе приятно тяжело от столовской каши, и это чувство сытости было таким контрастом с тем, как я начинала сегодняшний день.

Утром, ещё дома, всё пошло наперекосяк. Проснулась позже, чем планировала, и вместо нормального завтрака успела лишь схватить йогурт, отхлебнуть на бегу чай с мятой — мой обычный «девичий» завтрак в спешке — и выскочить из дома. Всю дорогу в «Бионекс» мутило от голода и злости на саму себя. А в микроавтобусе, рядом с этим... Алексеем... я чувствовала себя совершенно разбитой. Голова гудела, тело требовало хотя бы крошки нормальной еды, а не этого жидкого йогурта.

И потому тот завтрак в столовой стал настоящим спасением. Тёплая, почти что домашняя каша, яичница... Я ела, чувствуя, как тепло разливается по всему телу, как постепенно уходит дрожь в коленях и проясняется сознание. После еды мир перестал казаться враждебным, а Алексей — таким

уж невыносимым. Даже его дурацкие шутки стали восприниматься проще.

А сейчас... Сейчас я стояла перед собранным стендом, и в теле была приятная тяжесть сытости, а в голове — та самая деловитая ясность, когда знаешь, что всё необходимое для работы уже внутри тебя: и еда, и концентрация, и даже странная решимость, рождённая от осознания нашей с Алексеем изоляции.

Комки проводов, мигающие лампочки, тёмные экраны мониторов... Но теперь это не вызывало паники, а лишь лёгкое волнение перед началом.

— Боже, — вырвалось у меня, — я вообще не понимаю, с чего начинать. Всё такое сложное, такое... неподъёмное.

Я тут же смутилась — зачем я это сказала вслух? Но не могла остановиться. Эти слова сами лились наружу, как закливание.

Алексей поднял на меня удивлённый взгляд:

— В смысле? Схема стандартная. Начинаем с калибровки, как всегда.

— Да я знаю, что стандартная! — я взмахнула руками, чувствуя, как жар разливается по щекам. — Это... такая моя волшебная мантра. Глупое суеверие. Если признаться, что ничего не понимаешь и всё ужасно сложно — вдруг станет проще. Срабатывает, кстати, — добавила я уже тише, отводя взгляд.

Он смотрел на меня с тем выражением, какое бывает у

человека, когда он видит особенно причудливый баг в коде — смесь недоумения и любопытства.

— Ладно, — наконец сказал он. — Значит, твоя мантра произнесена. Теперь можно начинать с калибровки?

— Ну что, — Алексей поставил на пол последний ящик с оборудованием. — Распаковываем всё?

Я окинула взглядом нашу маленькую лабораторию, затем посмотрела на часы. Стрелка неумолимо приближалась к десяти.

— Нет, — сказала я твёрдо, хотя внутри всё сжалось от привычной тревоги — а вдруг что-то понадобится и не будет под рукой? — Нет, давай по-минимуму. Только то, что нужно для базовой сборки и первых тестов.

Он поднял бровь:

— Боишься, что не успеем всё обратно упаковать?

— Время — единственный невозполнимый ресурс, — парировала я, чувствуя, как по спине бегут мурашки. — Я не хочу тратить два часа вечером на то, чтобы запихивать в ящики то, что нам даже не пригодилось. Это... нерационально.

Последнее слово далось с трудом. На самом деле, мысль о предстоящей вечерней упаковке вызывала у меня почти физическую тошноту — эта бесконечная возня с пенопластом, кабелями, поиск нужных крышек... Нет, уж лучше десять раз подойти к ящику, чем потом час бороться с грузом собственной непредусмотрительности.

— Логично, — на удивление легко согласился Алексей. — Значит, базовый набор: мой АЦП, твой ХэСе, осциллограф, анализатор спектра и блок питания. Всё остальное — по требованию.

— И кабели, — добавила я, уже мысленно прокручивая, какие именно и сколько штук может понадобиться. — BNC-BNC штук пять, силовые... два, наверное. И переходники на BANANA.

— Четыре BNC, — поправил он, открывая один из моих ящиков. — И один силовой. Остальное — уже перебор. Мы же не монтировать кино, а сигнал гонять. Лишнее — только мешает.

Я хотела возразить, что лучше взять с запасом, но сдержалась. Он был прав, чёрт возьми. Эта мужская способность отсекал всё лишнее раздражала и восхищала одновременно. Моя же голова всегда была забита десятками «а вдруг» — а вдруг сгорит кабель, а вдруг понадобится дополнительный фильтр, а вдруг...

— Ладно, — сдалась я, чувствуя, как странное облегчение смешивается с тревогой. — Четыре BNC и один силовой.

Мы принялись распаковывать только самое необходимое. Я аккуратно снимала пенопласт, раскладывая приборы на столе в том порядке, в котором они должны были быть подключены. Мои пальцы скользили по прохладному пластику корпусов, и вдруг меня пронзила знакомая дрожь — тот самый страх, что сидит глубоко внутри с самой аспирантуры.

А вдруг не получится? А вдруг все увидят, что ты здесь случайная?

Я украдкой взглянула на Алексея. Он работал спокойно, его движения были уверенными. Ему не приходилось каждые пять минут доказывать, что он на своём месте. Его раздражение — это просто раздражение. Моё — «истерика». Его уверенность — «компетентность». Моя — «заносчивость».

Перед глазами всплыл тот злополучный семинар год назад. Моя первая самостоятельная презентация перед отделом. Я готовилась неделю, оттачивала каждую фразу. А когда закончила, старший научный Коробов снисходительно улыбнулся: «Неплохо для первого раза. Но в следующий раз советую проконсультироваться с более опытными коллегами». Алексея тогда в зале не было — он был на полигоне. Но даже его отсутствие казалось мне тогда упрёком.

— Ли́ка, кабель BNC, — голос Алексея вернул меня в реальность.

— Да, сейчас, — я потянулась за кабелем, чувствуя, как горят уши.

А ведь здесь, в этой пустой лаборатории, всё по-другому, — промелькнула неожиданная мысль. Здесь нет этих оценивающих взглядов. Некого доказывать. Кроме него. И себя самой.

Я вдруг с болезненной ясностью вспомнила, как в университете, на третьем курсе, после блестящей сдачи теоретиче-

ского минимума, заведующий кафедрой похлопал меня по плечу и сказал: «Молодец, Ковалёва. Жаль, девушка — пропадёте в науке». Тогда я восприняла это как комплимент с горькой примесью. Сейчас понимала — это была установка. Которую я всю жизнь старалась опровергнуть.

Алексей тем временем разматывал кабели, и я невольно заметила, как он это делает — не клубками, которые потом придётся полчаса распутывать, а ровными, аккуратными петлями. Маленькая деталь, а почему-то согрела душу.

— Ты всегда так кабели укладываешь? — не удержалась я.

— А как иначе? — он искренне удивился. — Иначе же потом мучиться.

Вот именно. «Иначе же потом мучиться». Простая, железная мужская логика, до которой я сама почему-то не могла додуматься, предпочитая метаться между «взять всё» и «ой, а вдруг не хватит».

Когда основное оборудование было установлено, я отступила на шаг. Всё выглядело... голо. Не хватало привычного хаоса из приборов, папок, блокнотов и чашек с давно остывшим чаем.

— Пусто как-то, — проронила я вслух.

— Зато функционально, — возразил Алексей, уже подключая осциллограф. — Ничего не отвлекает.

Да, не отвлекает. Кроме давящей тишины за дверью и осознания, что мы заперты здесь наедине с этой задачей и друг с другом. В «Бионексе» всегда кто-то ходил, спорил, звонил

телефон, доносились обрывки чужих разговоров. Здесь — вакуум. Как в барокамере перед погружением. Или перед взрывом. Я поймала себя на том, что прислушиваюсь не к приборам, а к этой звенящей тишине, и это раздражение копилось внутри, как статическое электричество.

— Держи, — Алексей протянул мне паяльник, чтобы я припаяла один из разъёмов. Наши пальцы едва коснулись, и я резко одернула руку. Искра раздражения, наконец, нашла выход.

— Хватит ходить вокруг да около, Алексей. Зачем мы здесь?

Он поморщился, откладывая отвертку.

— Чтобы собрать стенд. Свести данные. Ты же сама видишь графики...

— Не надо мне говорить, что я вижу! — голос сорвался, прозвучав громче, чем я хотела. От этой неожиданной вспышки самой себе стало неловко, но остановиться я уже не могла. — Этот стенд — точная копия того, что пылится в нашем ангаре. Эти «уникальные» кабели? Мы привезли их с собой! Здесь нет НИЧЕГО, чего бы не было в «Бионексе».

Он замер, и я увидела, как мысль медленно доходит до него, заходя с неожиданной стороны.

— Значит, дело не в оборудовании... — он медленно прошептал. — Социальный эксперимент? Хотели посмотреть, передерёмся мы тут или сработаемся?

— Глубже, — я ткнула пальцем в стол, чувствуя, как дро-

жат кончики пальцев. — Он убрал все переменные. наших коллег, их советы, их насмешки, наши кресла, наши любимые кружки. Даже этот дурацкий лифт, который вечно застревает! Оставил только нас, проблему и эти четыре стены. И автобус, который уедет ровно в 18:30.

Алексей тихо свистнул.

— Акселератор. Черт подели... Он создал условия идеального давления. Чтобы алмаз образовался, любит он алмазы делать. Или чтобы всё разнесло в клочья.

— Третий вариант не предусмотрен, — холодно констатировала я, с трудом переводя дух. Сердце колотилось где-то в горле. — И мы на это повелись, как наивные студенты.

В воздухе повисло тяжелое, но очищающее понимание. Мы были не просто сотрудниками на задании, мы стали переменными в его уравнении. Подопытными, которые сами только что прочли протокол собственного эксперимента. Игра стала ясна. Теперь, глядя на него, я видела не случайного коллегу, а единственного партнера в этих стенах.

Он прав. Давление. Сергей Иванович всегда был мастером таких шахматных ходов. И мы — его пешки, которые вдруг осознали себя фигурами. И этот... Алексей, неудобный, педантичный, с его вечными схемами в голове. Но сейчас я вижу не «эникейщика», а оператора. Того, кто не будет лезть с утешениями и ложным оптимизмом. Кто будет молча паять плату, пока я буду разбираться с кодом. Возможно, в этой безумной изоляции он — единственно возможный тип че-

ловека, с которым я могу это выдержать. Раздражающе компетентный в своем мире. Как и я — в своем.

Мы прогнали первую серию — стандартную калибровку. Сигнал был чистым, скучным и мертвым.

— Как будто пытаемся услышать эхо в звуконепроницаемой комнате, — бросил Алексей, глядя на ровную линию на экране.

Вторая серия — я подала сигнал большей амплитуды, имитируя нейронную «вспышку». Данные стали живее, но артефакты зашкаливали. Алексей ворчал что-то про перегрузку входных каскадов.

— Ладно, — он провел рукой по волосам. — Давай попробуем мои контроллеры. Они должны выровнять амплитуду без потери высоких частот.

Он подключил в разрыв цепи свою плату — аккуратную, ручной пайки, с акриловым корпусом, сквозь который виднелась причудливая вязь дорожек. Пальцы его двигались быстро и уверенно. Он перебирал контроллеры, меняя их в цепи, словно шахматист, переставляющий фигуры.

— Этот слишком грубо режет, — бормотал он, — а этот вносит фазовый сдвиг... Вот этот, кажется...

Он остановился на одном, более сложном на вид. Сигнал на экране действительно стабилизировался, артефакты уменьшились, но не исчезли полностью.

— Лучше, — признала я. — Но все равно не то. Слишком... синтетически.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.